Дама Пик

Автор:
Макс Max

Дама Пик

Макс Max

Дама Пик #1

Все случилось в один несчастный день, когда предательство и зависть отнимают у Августа Агда, графа де Ламара, будущее. Повеса и бретер, душа общества, любимец женщин и магистр темной магии, в одночасье он теряет все: богатство и титул, собственное имя, заслуженную славу и даже старую любовь. Однако таких людей, как граф, опасно загонять в угол. Последствия могут быть разрушительными. Поддавшись гневу, Август проводит темный ритуал невероятной силы, и в мир живых возвращается умершая сто лет назад таинственная темная колдунья Теа д’Агарис. Но та ли это женщина, о которой думал Август. Ее зовут Таня. Она из Петербурга. Но при этом утверждает, что Россия – не империя, а республика. А на дворе, к слову, 18 век. Так начинаются приключения двух авантюристов – аристократов и темных магов – в Северной Италии и Австрии. Странные события, придворные интриги, неожиданные открытия и неведомые опасности.

Макс Max

Дама Пик

Часть первая

Теа д’Агарис

Глава 1

Август Агд, граф де Ламар

Лесная дорога, здесь и сейчас

Весь путь от палаццо Феарина до виллы Аури Август проделал бешеным галопом, то и дело переводя Жоффрея в карьер. Черный, как ворон, злой и выносливый конь мчался сквозь ночь так, словно уходил от погони. Но преследовали Августа не люди, а горькие сожаления, бессильный гнев и кровавая ярость, убежать от которых не смог бы ни один, даже самый быстрый конь. Время не обогнать и не повернуть вспять. Единственное, что оставалось теперь Августу, это просто бежать без цели и надежды. Скакать что есть силы по залитой светом волчьей луны лесной дороге. Нестись сквозь ночь и пытаться остудить свой гнев потоком бьющего в лицо холодного воздуха. Но ни ветер, вызванный бешеной скачкой, ни фляга с крепкой марсалой, опустевшая уже на полпути, не могли заглушить отчаяния, овладевшего Августом, не в силах были погасить сжигавшую его изнутри ярость.

Обычно Август не был склонен к резким перепадам настроения и сильным эмоциям – будь то любовь или ненависть – и практически никогда не испытывал приступов ярости. Однако сегодня все было по-другому, и список причин, сделавших этот день особенным, включал, увы, больше одной. Это был скверный день. Худший день в его жизни…

Особняк на Таможенной набережной, утро прошедшего дня

Все началось прошедшим утром, когда Август проснулся в постели Агаты ван Коттен. Агата – невероятно красивая женщина. Умная и образованная, что отнюдь не мешало ей быть замечательной любовницей. И отношения, связывавшие ее и Августа, были давними и в известном смысле устоявшимися. Почти любовь, а возможно, и не «почти», а «уже и долго» любовь, хотя говорить о своих чувствах не любили ни он, ни она. Однако этим утром Август готов был

нарушить существовавшее между ними негласное соглашение и заговорить о своих чувствах. И причина для этого была более чем очевидна.

Накануне, подъезжая в карете к особняку на Таможенной набережной, Август неожиданно вспомнил, что за суетой насущных и, как всегда, не терпящих отлагательства дел забыл купить Агате цветы. Обычно он дарил ей пунцовые розы или недавно вошедшие в моду фламандские тюльпаны. Сейчас же готов был принести женщине все что угодно, любой цветок – лишь бы не прийти к ней с пустыми руками. Скромный букетик фиалок, может быть, даже незабудки или еще что, но ни того, ни другого, ни третьего у него попросту не было, а возвращаться – плохая примета.

«Фиалки… – подумал он в отчаянии, – незабудки, подснежники, веточка сирени…»

Август представил себе куст персидской сирени в цвету. Махровая, пурпурного цвета кисть… Капельки росы на листьях и соцветиях… Характерный медовый аромат…

Талант визионера является необходимым условием для овладения высшей магией, в которой Август был как минимум хорош. Но кроме того, Август Агд, граф де Ламар, являлся выдающимся «поэтом» и умел, как мало кто еще, придавать форму интуитивным образам. И сейчас именно эта способность к безотчетному постижению тонких сущностей помогла ему совершить настоящее чудо для женщины, от страсти к которой у него едва не вскипала кровь. Желание придало необходимую силу инстинктивному порыву. В воображении возник мгновенный детализированный образ ветки персидской сирени. Пахнуло свежестью утра и ароматом цветов. И Август, резко вышедший из короткого, но глубокого транса, вплел в свою волшбу вербальную формулу «factum»[1 - Делать, действовать, творить (лат.). – Здесь и далее примеч. авт.], пожертвовав ради такого случая собственным кружевным платком. Тихий хлопок. Дуновение жаркого ветра – и в руке Августа возникла ветка сирени, о которой он случайно подумал буквально несколько мгновений назад.

«Вот что значит подняться над толпой!» – подумал он с удовлетворением, любуясь результатом своей волшбы. И был прав, разумеется. Немногие маги способны создавать материальные объекты, не используя при этом сложных инсталляций[2 - В данном случае под инсталляцией понимается вещественная форма заклинания, например, нарисованная мелом или углем пентаграмма,

расставленные в определенном порядке белые и черные свечи.], редких, а значит, и дорогих магических ингредиентов и многоуровневых заклинаний. Что же касается «живых сущностей», к каковым, собственно, и относятся растения, большинству практикующих колдунов и волшебников такое не под силу, даже если в их распоряжении находятся Великие Арканы[3 - Аркан – в данном случае имеется в виду вербальная или визуальная формула заклятия.] Древних. Однако Август проделал этот «фокус» почти бессознательно, быстро, эффективно и «не запыхавшись», даже притом, что оперировал одними лишь приемами высшей магии.

«Просто великолепно! – признал он без неуместной в такого рода делах скромности. – Я Август, и я достоин любви!»

Так, собственно, и обстояли дела. Даже не будучи сагой[4 - Сага (от лат. saga) – прорицательница, колдунья.], Агата ван Коттен жест Августа оценила по достоинству – ведь сирень отцвела еще два месяца назад – и подарила ему незабываемую ночь любви. Возможно, одну из лучших за все время их знакомства. Однако насладиться этой удачей сполна Август не смог. Едва он покинул постель и начал одеваться – ему следовало уйти раньше, чем городские улицы наполнятся нежелательными свидетелями, – как Агата сообщила ему, что уезжает. Далеко и надолго. В сущности, навсегда. Потому что три-четыре года разлуки означали для них двоих не просто долгое расставание, но и конец отношений, длившихся уже не первый год.

Оказалось, что барон ван Коттен получил назначение полномочным послом в Петербург – столицу далекой северной империи, и по такому случаю захотел, чтобы супруга составила ему компанию. При этом ослушаться мужа Агата на этот раз не могла. Речь шла о крайне важной дипломатической миссии, и король, заинтересованный в успехе своего посольства, настоятельно рекомендовал ей «не дурить и ехать с мужем сразу и без задержек». По-видимому, его величество, вполне осведомленный о ветреном нраве Агаты, хотел усилить бесспорный дипломатический талант своего кабинет-министра красотой и обаянием баронессы ван Коттен.

Вот такие печальные новости. Можно сказать, драма. Возможно даже, трагедия, ибо, вдохновленный наколдованной им веточкой сирени, Август готов был произнести вслух то, что, как оказалось, давно уже жило в его сердце. Но они с Агатой даже поговорить по-человечески не смогли, не то что озвучить «великие клятвы любви». Август – как ни велико было желание объясниться – вынужден

был все же уйти и снова увиделся с женщиной только поздно вечером, на приеме у короля, когда и говорить, в сущности, было уже не о чем. Агата появилась в палаццо Феарина под руку с законным супругом, а за Августом к этому часу волочился длинный шлейф горьких разочарований и обид…

Вилла Аури, здесь и сейчас

Коня Август бросил прямо посреди двора. Спрыгнул с седла и разом забыл и о Жоффрее, и обо всем вообще. Переживая острый приступ ярости, он в этот момент ни о чем не думал. Просто не мог. Однако подсознательно наверняка знал, что никуда его кохелайн[5 - Кохелайн – порода крупных и сильных арабских жеребцов, специально предназначенных ходить под седлом.] не денется, потому что, во-первых, правильно воспитан, а во-вторых, давным-давно защищен и заговором, и оберегом. Ну а для всего прочего на вилле имелись конюх и мальчик-грум. Они и позаботятся о коне. Сам же Август едва ли не бегом пересек мощенный деревянными торцами двор, взбежал по полукруглым ступеням парадного входа, с силой распахнул тяжелые створки резных дубовых дверей и, не сбавляя скорости, направился в свой кабинет. По пути он лишь приказал выбежавшей навстречу служанке принести наверх кувшин яблочного бренди и более хозяина не беспокоить.

– Когда понадобитесь, – рявкнул он, оставляя оторопевшую служанку за спиной, – я сам позову!

Наверное, будь Август хоть чуть более в себе, он дополнил бы приказ указанием «не мешать» и вообще сделать вид, что их, то есть слуг, в доме попросту нет. Но дверь кабинета уже захлопнулась за ним, и он остался один. Резкое движение левой рукой, щелчок пальцев – и в камине вспыхнул огонь. Свечи в двух серебряных канделябрах зажечь оказалось еще легче. Желание воплотилось в формулу «accendunt lucernam»[6 - зажечь свечу (лат.).], движение правой брови задало направление – и дело сделано! Сегодня, сейчас все получалось у Августа с такой легкостью, словно обрушившиеся на него несчастья вознесли его на новый уровень могущества. Возможно, что и так, но об этом он даже не подумал. Не до того было!

Не останавливаясь, задыхающийся от гнева Август прошел к своему огромному рабочему столу и оперся обеими руками о столешницу. Его лицо пылало. И хотя

камин не успел еще согреть обширное пространство кабинета, Августу было жарко и душно. Казалось, ему не хватает воздуха, и окна открылись словно бы сами собой. Просто вдруг распахнулись в ночь, впустив в кабинет холодный, наполненный запахами леса воздух…

Вилла Аури стоит посреди девственной пущи. Лес вокруг Россомашьего холма лишь слегка прорежен, чтобы создавалось ощущение простора, но уже в паре сотен метров от дома превращается в настоящую чащобу. Там нет дорог, не считая звериных троп, и не живут люди. Ближайшая деревня расположена в пяти километрах к югу, как раз на той дороге, по которой Август прискакал из столицы. Исторически вилла Аури являлась охотничьим замком, но, когда Кларисса де Ватуар, бездетная дальняя родственница по материнской линии, подарила его, не иначе как впав в маразм, «своему любимому племяннику», Август, который с «тетей Клариссой» никогда, кажется, даже не встречался, перестроил замок под свои нужды.

Являясь магистром трансцендентальных искусств и доктором высшей магии, он нуждался в уединенном, хорошо оборудованном доме, в котором могли разместиться его личный кабинет и лаборатория. Под них, а также под библиотеку и коллекции отошло правое крыло виллы – трехъярусная башня, оставшаяся в наследство от охотничьего замка. Кроме самого Августа туда допускались лишь Катрина и Огюст – его старые верные слуги, которых он знал с раннего детства. Тем не менее Август был вынужден наложить «печать молчания» даже на них. Слишком много крайне опасных вещей находилось в его коллекции артефактов, лаборатории и книжном собрании, а «печать молчания» не только умаляет излишнее красноречие, но и обеспечивает беспрекословное подчинение. Август не хотел, чтобы Катрина и Огюст причинили себе вред из одного лишь праздного любопытства. Не хотел он также и того, чтобы, поддавшись слабости, они начали рассказывать всем и каждому о том, что видели или слышали в Старой башне. А увидеть и услышать здесь можно было много такого, о чем непосвященным не только что говорить, но и думать было нельзя.

Апартаменты на Кожевенной улице,

утро прошедшего дня

Покинув особняк на Таможенной набережной, Август направился «к себе», то есть в свою холостяцкую квартиру. Он снимал ее как раз на такой случай, когда дела держат в городе, а ехать на виллу в Авадонской пуще далеко и долго. Квартира была небольшая – всего пять комнат, – но там, не удаляясь далеко от королевского дворца и университета, он мог умыться, переодеться и даже подкрепиться. Старина Сэйри – слуга за всё, постоянно проживавший в апартаментах на Кожевенной улице, – умел не только почистить одежду, но и сварить овощной суп, испечь пирог с мясом или приготовить жаркое. Сегодня, предупрежденный Августом еще накануне, Сэйри подал на стол пару зажаренных на вертеле цыплят, свежий хлеб из пшеничной муки тонкого помола и красное вино «Верментино» из Восточной Лигурии. Однако настроение у Августа было таково, что, как говорится, кусок в горло не шел.

Расставание с Агатой оказалось для него куда тяжелее, чем он мог представить себе еще вчера. Вернее, вчера он о таком и подумать не мог. Их отношения длились уже почти восемь лет и, казалось, не прекратятся никогда, потому что такое совпадение темпераментов, взглядов на жизнь и интересов случается нечасто, если случается вообще. Любовь с первого взгляда, и какая любовь! Они стали любовниками практически с первой встречи, с того самого дня, когда Август приехал на ее помолвку. Являясь дальними родственниками, они до этого момента никогда лично не встречались. Но тем утром, увидев ее впервые – это случилось в ее родовом замке в Виллар сан Констанцо, – Август ощутил желание такой силы, что на мгновение у него даже потемнело в глазах. И страсть эта, хвала богам, оказалась взаимной. Во всяком случае, ночь перед приездом своего будущего мужа Агата провела в постели Августа и никогда об этом не пожалела, как, впрочем, и он.

В последующие годы жизнь то разводила их ненадолго, то снова сводила. Иногда, ради разнообразия или по каким-либо иным не менее значимым причинам, Агата сопровождала супруга в его дипломатических миссиях, но в конце концов всегда возвращалась в столицу к королевскому двору. За время ее отсутствия – а иногда оно измерялось месяцами – Август обычно заводил двух-трех любовниц, сохраняя отношения с некоторыми из них и тогда, когда Агата снова появлялась в своем особняке на Таможенной набережной. Судя по достоверным известиям, которыми полнится свет, баронесса тоже ни в чем себе не отказывала. И все-таки, едва объявившись в столице, Агата первым делом посылала за Августом, и он всегда приходил, как бы ни был занят и кем бы ни был увлечен. В сущности, если не по названию, то по характеру отношений именно Август являлся супругом Агаты, как, впрочем, и она его женой. Их связь была куда прочнее, чем можно было ожидать от двух настолько развращенных

циников, какими оба они, собственно, и являлись. Но дело в том, что взаимное притяжение неизменно оказывалось сильнее всех прочих соблазнов или обязательств, а их страсть включала в себя не только удовольствия плоти, но и невероятную для таких людей, как они, эмоциональную близость. И все это – не считая интеллектуального наслаждения, которое они испытывали от общения друг с другом.

Агата была блестяще образована и великолепно сочетала изощренную женственность с сильным «мужским» умом. Рядом с ней Август никогда не скучал и не должен был объяснять ей что-либо дважды. Напротив, это ему приходилось иногда напрягать все свои силы, чтобы думать вровень с ней. Однако ничто не вечно под луной: закончилась, увы, и эта невероятная – во всех отношениях – любовь.

«Любовь…»

Что ж, следовало признаться, что так оно и есть. Вот разве что осознание этого факта пришло к Августу слишком поздно.

«Впрочем, – сказал он себе через пару бокалов вина, – лучше поздно, чем никогда! Я поеду вслед за ней!»

Разумеется, это будет непросто – придется бросить университет, и наверняка на него обидится половина двора, проклянут родители и «предаст анафеме» король, – но игра стоит свеч! Пусть хоть перебесятся все, но он будет с Агатой!

«Любовь… Что ж, посмотрим, кто кого!»

Заседание Коллегиум Гросса – Большого Собрания магистров, – на котором Август должен был присутствовать, даже если бы умер, было назначено на три пополудни, а граф Новосильцев обычно садится завтракать в двенадцать.

«Должен успеть!» – решил Август, заканчивая третий бокал вина.

Вилла Аури, здесь и сейчас

«Ад и преисподняя!» – Август вспомнил сейчас, о чем думал, наливаясь лигурийским красным. Как планировал свой отъезд в Россию – готовый бросить к ногам этой женщины и свою карьеру, и все вообще, – и его в очередной раз накрыло волной ярости. Такого унижения он не испытывал никогда в жизни. Да, да! Именно так: унижение, разочарование, бессильный гнев – вот те новые чувства, с которыми Август познакомился в этот день.

Он всегда был баловнем судьбы. Красавец, умница, признанный талант, не говоря уже о прочем, но ведь и это «прочее» не сбросишь со счетов! Являясь старшим сыном одного из самых знатных и богатых людей в королевстве, Август получил великолепное воспитание и образование. Он никогда не нуждался в деньгах. Не праздновал труса на войне. Был награжден и обласкан королевским двором. Повеса и бретер, любимец женщин, он стал магистром трансцендентальных искусств в двадцать пять лет и защитил докторскую диссертацию по высшей магии в двадцать восемь. Он знал всех и все знали его. Старый король благоволил ему как никому другому. И хотя молодой король не мог забыть Августу разбитое сердце Тоски де Вентис, Максимилиан III продолжил традицию, по-прежнему принимая Августа при дворе.

Так все и обстояло. Во всяком случае, до вчерашнего дня. Ведь все проходит, не так ли?

Август стоял, упершись ладонями в широкий подоконник открытого в ночь окна. Волчья луна заливала близкий лес зловещим серебром. Где-то поблизости ухала сова. Легкий ветерок дул прямо в лицо, но, хотя к ночи сильно похолодало, даже ночные заморозки оказались бессильны остудить пылавший в Августе огонь. Ничто, казалось, уже не могло быть как прежде. Впрочем, не казалось. Так и обстояли дела. Весь его мир рухнул, похоронив под обломками того человека, каким он был еще накануне.

«Эти люди! Эти треклятые двуличные подлецы! В пекло их всех!» Август отвернулся от окна, подошел к столу и налил себе в серебряную чарку новую порцию бренди. Алкоголь должен был по крайней мере утишить его боль!

Трактир «Межевой камень»,

полдень прошедшего дня

Посольство Российской империи располагалось в просторном особняке на улице Добрых Душ, и в распоряжении графа Новосильцева, посла великого гиперборейского царства, имелся целый штат слуг. Был у него, разумеется, и свой повар, и, говорят, весьма неплохой. Тем не менее, по давно заведенному обычаю, завтракал посол в расположенном неподалеку от особняка трактире «Межевой камень». Еще одной странностью графа было то, что утреннюю трапезу он вкушал в одиночестве. Гости появлялись за его столом во всех прочих случаях, но не в «Межевом камне». Не странно поэтому, что едва Август вознамерился приблизиться к читавшему газету графу Новосильцеву, как дорогу ему заступил один из слуг посла.

– Прошу прощения, сударь! – вежливо остановил Августа здоровенный детина, больше похожий на кабацкого вышибалу, чем на камердинера или комнатного лакея. По-французски он говорил почти без акцента. Одним словом, безупречный нукер.

– Василий Петрович! – окликнул Август посла. – Знаю, что не вовремя, но нужда велит!

– Ну раз велит, – оторвал взгляд от газеты Новосильцев, – присоединяйтесь, Август! Прохор, пропусти!

Слуга посторонился, и Август подошел к столу.

– Dobrogo dnia! – сказал он по-русски и присел на стул напротив посла.

– И вам не хворать! – усмехнулся в ответ собеседник. – Вы, Август, к слову, единственный в этой стране, кто не кличет меня Базилем, и по русскому обычаю поминаете при обращении моего батюшку. Закусите со мной?

– Благодарю, – покачал головой Август, – но я сыт.

– Даже не выпьете?

– Пожалуй, откажусь, – снова покачал головой Август, – я и так уже с раннего утра ne prosyxaiu.

Этим, собственно, исчерпывались познания Августа в великорусском наречии, поэтому говорили они с русским послом по-французски.

– Я настаиваю! – В глазах Новосильцева появилось какое-то странное выражение, которое Август никак не мог ухватить.

Что это было? Сожаление? Сочувствие? С чего вдруг?.. Но, как на грех, думалось ему сейчас плохо, так что возникшую было мысль Август благополучно упустил. Слишком был занят своими чувствами, а зря.

– Граф, мне нужна въездная виза, – сразу взял он быка за рога. – Я…

– Увы, Август, – граф смотрел едва ли не с жалостью, но уж точно что не был равнодушен, – но я не могу вам помочь.

– Что?! – опешил Август, ни разу в жизни не встретивший отказа в такой безделице. – Я…

– Извините, Август, – тяжело вздохнул Новосильцев, – мне действительно неловко вам отказывать, но въезд в Российскую империю вам запрещен.

– Ничего не понимаю… – Август был обескуражен. Такого не могло быть, потому что не могло быть никогда. И тем не менее…

– Это просьба его величества Максимилиана, – с явной неохотой объяснил посол. – Как вы понимаете, Август, я не могу ему отказать. Ее императорское величество, к слову, тоже не сможет.

«Максимилиан? – удивился Август. – Но как он мог узнать, что я захочу поехать в Петербург?!»

Состояние Августа в тот момент было таково, что он был совершенно дезориентирован. Как говорится, затмение нашло. Иначе такую тупость не объяснить. Ведь обычно мысли его не текли, а стремительно летели. Логика была холодна и безупречна. Притом что интуиция тоже не дремала. И все-таки он справился. Пусть и с опозданием и только отчасти, но в конце концов натура взяла верх и Август начал соображать.

– Когда это случилось? – спросил Август.

– Вчера, – лаконично ответил Новосильцев.

– Вот так так!.. – Август действительно не знал что и думать. Что такого могло произойти вчера, что король решил вмешаться в его личные дела? В его планы, о которых вчера не знал и сам Август? Однако очевидно одно. Король знал еще вчера, что барон ван Коттен уезжает в Петербург, и тогда же приказал Агате ехать вместе с мужем. Разумеется, это более чем странно, но хотя бы объяснимо. Однако запрет на въезд в Российскую империю – это совсем другое дело. В этом случае Максимилиан должен был знать не только о том, что баронесса является любовницей Августа, но и о том, какого рода отношения связывают этих двоих.

«Но это невозможно! – возразил себе Август, пытаясь осмыслить случившееся. – Он не мог этого знать! Я сам не знал…»

Получалась какая-то форменная бессмыслица, поскольку в основе действий Максимилиана лежали два совершенно невозможных обстоятельства. Во-первых, должно было случиться нечто настолько из ряда вон выходящее, что король вообще смог и захотел – или скорее наоборот, захотел и смог, – столь грубо, если не сказать оскорбительно вмешаться в личные дела графа де Ламара. А во-вторых, откуда ему вообще было знать, что Август вознамерится ехать в Россию вслед за своей любовницей? Притом знать об этом заранее и наверняка!

«Чепуха какая-то!»

И в самом деле чепуха. Такое не утаить. Уж кто-нибудь из приближенных Максимилиана наверняка шепнул бы Августу на ушко, что затевается в палаццо Феарина и почему. Но нет. Все было тихо и мирно. Вот разве что Агата… Но Агатой, скорее всего, двигала одна лишь любовь. Она хотела проститься с Августом в их обычной манере, и ей это удалось. Ночь любви, краткое прощание, и все, собственно. Занавес опускается.

– Август… – прервавший его размышления Новосильцев словно бы колебался, сказать Августу нечто или нет, но в конце концов решил, по-видимому, озвучить это таинственное «нечто», которое по-прежнему вызывало у него сомнения.

– Не скрою, я заинтригован, – сказал он наконец. – Не знаю, что и думать, но полагаю, что случилось нечто из ряда вон выходящее. Вы, как мне кажется, об этом деле также не осведомлены, что заставляет думать о странном…

Новосильцев помолчал, внимательно глядя Августу в глаза, и продолжил все тем же ровным голосом, каким стал бы рассказывать о рутинных делах:

– Мне, Август, отчего-то представилась забавная картина. Будто бы вы едете в Прагу к гроссгерцогу Рудольфу. И в руках у вас подорожная, выписанная моим старым другом бароном Дризеном… Каково?

– Думаете? – нахмурился Август.

– Даже и не знаю, что сказать… Да, и вот еще что, но строго между нами: позавчера баронесса ван Коттен посещала палаццо Феарина, но подробностей я, разумеется, не знаю.

«Позавчера? – удивился Август. – Отчего же я узнаю об этом только сегодня и не от нее самой, а от третьего лица?»

Ситуация представлялась Августу настолько абсурдной, что он даже рассмеялся…

Вилла Аури, здесь и сейчас

Алкоголь не брал. Не туманил мозг. Не глушил боль. Голова оставалась ясной, хотя лучше бы ему впасть в забвение, потому что то, что испытывал в эти мгновения Август, было попросту нестерпимо. Боль, гнев, ощущение бессилия и одновременно кристальная прозрачность мысли, нежданно-негаданно вернувшаяся к нему в самый неподходящий момент.

Сейчас, стоя с очередной чаркой бренди перед открытым в ночь окном, Август видел прошедший день совсем не так, как воспринимал его, находясь в живом потоке времени. Детали – вот в чем кроется присутствие божества. Иногда подробности кажутся лишними, но это ошибочное мнение. Частности способны дополнить приблизительное знание до полного, незавершенное – до целого.

Раскрыть подлинный смысл происходящего, связав его с прошлым и проследив в еще ненаступившем будущем.

«Я всего лишь хотел видеть ее той женщиной, которая достойна любви! – признал очевидное Август. – Глупец!»

Что ж, любовь – великая обманщица, и ложь ее слишком часто любезна сердцу. Другой вопрос, всегда ли нам нужна правда? И если да, то когда, где, при каких обстоятельствах?

«Я видел лишь то, что она готова была мне показать, или то, что готов был увидеть я сам!» – Август выпил бренди, даже не почувствовав его вкус, и отвернулся от окна.

Он хотел вернуться к столу за новой порцией кальвадоса. Однако, по случаю, взгляд его упал на противоположную стену. Там на темных дубовых панелях висели его дипломы, вставленные в застекленные позолоченные рамки. Патенты лиценциата алхимии и магистра трансцендентальных наук, диплом доктора высшей магии и, наконец, патент профессора Королевского университета в Генуе.

«Тщета человеческая, – горько усмехнулся Август, переводя взгляд с одного документа на другой. – Свидетельства тщеславия и дешевой фанаберии…»

Королевский университет Генуи,

три часа пополудни прошедшего дня

После разговора с русским послом настроения идти в университет не было вообще. Тем не менее положение обязывает: Август как-никак профессор и член Коллегиум Гросса, а Большое Собрание магистров проходит от силы пару раз в году, и никогда по пустякам. Так что причин занять свое место в круглом зале Коллегиума было более чем достаточно. Однако на этот раз обстоятельства не просто обязывали Августа присутствовать на заседании, они этого настоятельно требовали. По единодушному мнению лиц, прикосновенных к подспудным политическим течениям, избрание Августа Гроссмейстером являлось делом

решенным. Но, чтобы быть избранным, следовало для начала принять участие в процедуре, поскольку выборы Гроссмейстера могут быть только очными, и, следовательно, его присутствие в зале Коллегиума в момент голосования попросту обязательно. Поэтому Август – как бы ни был он расстроен и обескуражен – надел черную докторскую мантию, водрузил на голову академическую шапочку и ровно в три часа пополудни появился в зале Коллегиума, чтобы занять там свое именное кресло…

Избрание Гроссмейстером должно было стать апофеозом его академической карьеры. А на стене с дипломами в его кабинете появился бы еще один документ – выписка из протокола выборов главы Коллегиум Гросса. Так должно было произойти, но, увы, этого не случилось. Что-то – о чем Август по-прежнему ничего не знал – случилось накануне и перевесило на чаше весов все его достижения, репутацию, силу личных связей, наконец. В такого рода делах ведь достаточно потерять всего два-три голоса, и жезл «Первого среди равных» окажется в руках другого. Это, собственно, с Августом и произошло: кто-то воздействовал на колеблющихся магистров, и в результате статистика оказалась не на его стороне. Вроде бы не трагедия. Максимум – драма. Но для Августа, ценившего внешние признаки величия ничуть не меньше сущности самого величия, это оказалось ударом невероятной силы. Он был попросту раздавлен, и падение его в пропасть саморазрушения оказалось настолько решительным, что после окончания собрания он перехватил своего давнего недруга – оппонента, соперника и недоброжелателя – магистра д’Альбре и задал главе партии нумерологов прямой вопрос:

– Могу я узнать, что здесь произошло на самом деле?

– Можете, – вежливо, едва ли не дружески улыбнулся собеседник, – но лучше бы вам, профессор, прежде переговорить с вашим батюшкой, графом де Ламаром. А уж после я буду счастлив дать вам любые разъяснения…

Палаццо Риоро, шесть часов вечера прошедшего дня

В обычные дни и в такое время – то есть около шести вечера – найти старого графа можно было только дома. Если, разумеется, он находился в городе, а не в одном из своих многочисленных имений. Однако, поскольку сегодня позже вечером должен был состояться большой королевский прием, Альбер де Ламар

определенно никуда не уезжал. Тем не менее Огастин – старший камердинер отца – утверждал обратное.

– Его сиятельство уехал еще с утра, – объявил он Августу, но в глаза при этом не смотрел, хотя раньше никогда от этой привилегии не отказывался.

«Уехал?» – Верилось с трудом.

– Куда? – хмуро поинтересовался Август, раздумывая над тем, что это значит и значит ли что-то вообще.

– Его сиятельство не сказал. – Коротко и сухо. Почти грубо, если иметь в виду разницу в положении.

«С чего бы вдруг?»

– Сказал, когда вернется?

Вопрос уместный, разве нет?

– Никак нет, не изволил сообщить.

«Нет, – подумал тогда Август, пытаясь подавить вспышку неконтролируемого бешенства, – не проведешь, старый хрыч! Знаешь, но не скажешь! Но почему? Почему, демоны тебя забери?!»

– А тебя, Огастин, отчего же не взял? – спросил вслух, не слишком надеясь, впрочем, на вразумительный ответ. – Ты же с ним всегда ездишь, разве нет?

– Не могу знать, – все так же отводя взгляд, ответил старик-камердинер. – Не взял.

– Ну-ну… – кивнул Август и пошел к матери.

«Что за притча? – думал он, подходя к дверям в ее апартаменты. – Определенно случилось что-то скверное или это просто совпадение?»

Но, похоже, в городе и в мире на самом деле произошло нечто чрезвычайное, из ряда вон выходящее, способное разом обрушить весь его мир, вот только Август отчего-то ничего об этом событии не знал.

А в дверях в апартаменты графини-матери его уже поджидала Джинайна – любимая камеристка Терезы де Ламар.

– Уехала? – спросил Август и посмотрел в глаза женщине, которая, что любопытно, глаз не отвела.

– Слегла, – коротко ответила женщина, хотя склонности к лаконичной речи никогда прежде не выказывала.

– Надеюсь, она не умирает! – Август нашел в себе силы саркастически усмехнуться и, не задерживаясь ни одной лишней секунды, пошел прочь.

Однако далеко уйти не удалось. В Ореховой гостиной его перехватил Ренар. Кавалер де Безом сидел в кресле, поставленном так, чтобы ни в коем случае не пропустить Августа, куда бы или откуда бы он ни шел. Выбор места, отметил Август, подходя к младшему брату, был безукоризнен. Впрочем, держать Ренара за дурака – себе дороже. Не гений, разумеется, но отнюдь не глуп и не прост, и ко всему – отъявленный хитрец. Возможно, поэтому про себя Август называл его обычно Рейнике, как звали сказочного хитреца-лиса, но вслух это прозвище не произносил никогда.

– А вот и ты! – улыбнулся Ренар при виде Августа и встал из кресла.

Стройный, элегантный, но отнюдь не женственный. Хорошее, пусть и «незамысловатое» лицо, открытый взгляд, «простодушная» улыбка. Все в доме считали его мягким, немного застенчивым и невероятно доброжелательным человеком. Все, кроме Августа, который догадывался об истинном характере Райка – так называли его матушка и сестры, – но озвучивать свои подозрения даже не пробовал. Себе дороже; тем более, что Август – темный маг с плохой репутацией, а Ренар – светлый, и репутация у него однозначно положительная: звезд с неба не хватает, зато человек хороший.

– Ждал меня? – вполне искренне удивился Август, который никогда не был близок с младшим братом, если не сказать больше. – Зачем?

– Между нами? – еще шире улыбнулся Ренар.

– А что, тут есть еще кто-нибудь кроме нас? – вопросом на вопрос ответил Август, все еще гадая: что за оказия? При любом раскладе Ренар стал бы последним, к кому он обратится за помощью или разъяснениями. Да и Август Ренара практически не интересовал. Одно слово, что братья.

«Ну хоть не враги! Или уже враги?»

Что-то в этой сцене насторожило Августа, вот только он сплоховал уже второй раз за день – не понял, что именно.

– Я действительно ждал тебя, Юсс, только не знал, когда ты придешь.

– Я перед тобой, – пожал плечами Август. – Говори!

– Видишь ли, Юсс, тебе будет трудно меня понять, но я все-таки попробую тебе объяснить, а ты постарайся не упустить главное.

– Главное? – переспросил сбитый с толку Август. – И что же ты, Райк, считаешь главным?

– Я вырос в твоей тени, Юсс.

Истинная правда, хотя Август об этом никогда всерьез не задумывался.

– Тебе было там холодно? – усмехнулся он, все еще не уяснив для себя, к чему весь этот разговор.

– Да, – совершенно серьезно кивнул Ренар, – я мерз.

– Бедняжка! – Сарказм, и ничего более. Ну не жалеть же его в самом деле?

– Есть немного, – все так же доброжелательно глядя на Августа, подтвердил брат. – Возможно, поэтому я не упустил свой шанс. Такой случай, знаешь ли, выпадает один раз в жизни.

– Хорошо, – согласился Август, видя, что кавалер де Безом настроен высказать ему все, что там у него накопилось, и отделаться от братца без «разговора» попросту не удастся. – Рассказывай!

– Может быть, присядешь?

– Может быть, – и с этими словами Август действительно сел в кресло.

Настроения выслушивать все эти «глупости и хитрости» у него не было, но и разговора, судя по всему, было не избежать. – Слушаю тебя.

– Для начала хочу объяснить тебе поведение отца. – Ренар вернулся в свое кресло, и теперь они сидели лицом к лицу. – По правде сказать, граф в бешенстве и покинул город, чтобы не совершить какой-нибудь глупости.

– Например? – поинтересовался заинтригованный «прелюдией» Август.

– Ну, например, чтобы не задушить маман или, скажем, не зарезать.

– Серьезно? – Похоже, братцу удалось-таки его удивить.

– Вполне, – подтвердил Райк.

– Огласи, будь любезен, причину!

– Она наставила ему рога, – «любезно» объяснил младший брат.

– Ну и что? – не понял Август, полагавший, что при дворе нет ни одной сколько-нибудь симпатичной женщины, которая хотя бы раз в жизни не изменила мужу. А графиня-мать была еще совсем не стара, да и былую красоту не успела растерять.

– Да ничего, – мягко улыбнулся брат. – Во всяком случае, даже если бы отец накрыл ее «на горячем», не думаю, что он устроил бы из-за этого скандал.

– Значит, в истории есть привходящие обстоятельства, – понял Август. – Какие?

– Все-таки ты чертовски умен, Юсс! – покачал головой Ренар. – Чертовски! Даже зависть берет. Отчего все досталось тебе? И ум, и красота, и талант…

– Переходи к главному, – поморщился Август, всегда подозревавший Рейнике-лиса в зависти, но услышавший об этом из уст брата в общем-то впервые.

– Главное, Август, что ты не его сын, – с явным удовлетворением сообщил Ренар.

– Понятно, – кивнул Август, молниеносно решив, что не станет поддаваться на провокации. – Я не его сын. Продолжай!

– Нет, ты не понял. – Брат смотрел Августу в глаза, словно искал там… что? Слабость? Гнев? Разочарование? – Ты, Август, не являешься законным сыном графа де Ламара. Ты плод греха. Бастард Конрада ла Бери.

Что ж, это был действительно удар нечеловеческой силы, и Августу потребовалось сделать над собой невероятное усилие, чтобы только скрыть от собеседника последствия его заявления. Внутри Августа уже полыхал пожар страстей, но мысль, как обычно и случалось с ним в острых ситуациях, оставалась быстрой и кристально ясной. Так что он вполне успел просчитать все последствия того, о чем говорил Райк. Вернее, того, на что он намекал.

Если мать изменила отцу с этим кретином – Конрадом ла Бери – то, во-первых, Август сразу же лишается и титула, и наследства, не говоря уже о положении в обществе. Впрочем, отец – он все еще не мог называть графа де Ламара как-нибудь иначе – мог бы его усыновить или узаконить его рождение задним числом. И, возможно, граф так бы и поступил, ведь, как ни крути, простоватый и пресный, как крестьянский хлеб, Ренар не мог соперничать с блестящим во всех отношениях Августом. Это Август – любимый сын графа и графини. Он гордость рода и все из этого вытекающее… Пожалуй, старик смог бы справиться со своими демонами ради сохранения преемственности. Вполне мог.

«При других обстоятельствах, – вынужден был признать Август, – но не в этом случае, вот в чем дело!»

Август ведь не просто первенец. Он плод любви. Во всяком случае, именно так и говорили о нем мать и отец. А Конрад ла Бери, если это все-таки он, – не просто

некий безымянный любовник, мелькнувший где-то когда-то много лет назад около красавицы Терезы де Сан-Северо. Это человек, ныне глубоко презираемый при дворе, но главное – откровенный и непримиримый враг старого графа. Тот самый дворянин, который все время «путался под ногами» у молодого Альбера де Ламара, да так, что тот Конрада без вспышек бешенства уже видеть не мог. И этот человек – настоящий отец Августа? К слову, цвет волос и глаз указывал на это со всей очевидностью. Ренар – блондин, как и сестры, как мать и отец. И глаза у него голубые, как у старого графа, хотя и не такие красивые. Август же брюнет, и глаза у него черные. Красив, это правда, – но совершенно иначе, чем старый граф.

«Весь в отца…»

– Бастард? – равнодушно переспросил он Ренара. – В самом деле? У тебя, верно, и доказательства имеются?

– Имеются. – Похоже, Рейнике-лис был несколько разочарован. Он ожидал от единоутробного брата «больше страсти». Но Август устоял.

– Дай угадаю, – «задумался» Август, – ты копался в вещах матери и нашел компрометирующие ее письма?

– Не буду отпираться, я обыскал ее кабинет и действительно нашел несколько писем. Кстати, ты не знаешь, зачем женщины хранят весь этот хлам? Письма, засушенные цветы, прядь волос?..

– Тебе не понять, – отмахнулся Август. – Так что там с письмами?

– Письма двусмысленные, – криво усмехнулся Ренар, – но однозначно против матери не свидетельствуют. Да и подписаны инициалами. Мне потребовалось довольно много времени, чтобы узнать, кто такой этот К. Б. Но терпение и труд все перетрут, знаешь ли.

– Так ты вломился в дом ла Бери?

Кого-нибудь откровенность Райка могла бы, пожалуй, удивить, но Август, несмотря на смятение чувств, все понял правильно. Это был час торжества

Рейнеке-лиса, хитрость которого не могла возместить отсутствие таланта и интеллекта по-настоящему высокой пробы. Триумф посредственности над величием. Где-то так. Но следует признать, рассказ брата – а Райк в любом случае приходился ему братом – ранил Августа. Причинял ему боль. Жег душу. Другое дело, что Август не мог себе позволить показать слабость. Да и подробности истории могли ему пригодиться в будущем. Любое знание в прибыток, даже такое гадкое, как это.

– Собираешься пожаловаться в полицию? – усмехнулся в ответ Райк.

Ему нечего было бояться. И он это знал. Райк ведь даже настоящего преступления не совершил. Гадкий поступок, но и только. Да и попробуй докажи, что это правда! Слово против слова, а у Ренара репутация честного парня. Простак, но честный. И это следовало принимать в расчет.

– Зачем? – поднял бровь Август. – Это мне как-нибудь поможет?

– Вряд ли.

– Ну я так где-то и подумал, – кивнул Август. – А что там, к слову, в письмах графини?

– Объяснения в любви… Представь, Юсс, маман и впрямь любила это ничтожество!

– Письма датированы?

– Непременно! – подтвердил Ренар, жадно вглядываясь в глаза Августа, но ничего существенного, по-видимому, там не находя.

– Ее подпись аутентична?

– Без всяких сомнений!

– Письма содержат неоспоримые свидетельства?

– Да, Юсс, – кивнул Райк, – маман прямо так и пишет, «у тебя, мон шер, родился сын, и он похож на тебя цветом волос и глаз».

«И в самом деле, – покачал мысленно головой Август. – Ну что за дурость?! Ладно она. Маман и сейчас-то умом не блещет, а тогда, тридцать лет назад и сразу после родов… Удивляет Конрад. Он-та за каким чертом хранил эти письма? Душу они ему, что ли, грели? Или хотел ее шантажировать? Такой, как он, вполне мог…»

– Молодец! – похвалил он вслух, стараясь не выдать себя ни голосом, ни выражением глаз. – Это все?

– Все? – удивился Ренар, не ожидавший, по-видимому, настолько сдержанной реакции. – Юсс, ты в своем уме?

– Мне кажется, да, – пожал плечами Август. – Или ты ожидал, что я устрою истерику?

– Но ты теряешь титул…

– И становлюсь ублюдком, – закончил его мысль Август. Голос звучал ровно. Лицо оставалось спокойно. Он мог собой гордиться. – Но история-то на этом закончилась, разве нет?

– Нет, – снова улыбнулся Ренар. Улыбка демонстрировала худшие его черты, но Рейнике-лис был уверен: никто, кроме Августа, об этом разговоре не узнает. А притворяться перед бывшим братом – единоутробным, но не родным, – не считал нужным. Наоборот. Своим триумфом он хотел насладиться сполна.

– Я показал письма отцу, – не отпуская улыбку, объяснил Ренар. – Но перед этим я обратился за советом к князю де Э. Я был растерян, видишь ли, и не знал, что мне со всем этим делать.

«Хороший выбор, – согласился Август. – И коварство… элегантное. Что есть, то есть, не отнимешь!»

Князь де Э был ни много ни мало личным конфидентом короля Максимилиана и действительным членом Коллегиум Гросса. И при всем при том это был вполне вменяемый и даже где-то порядочный человек. Одним словом, не дурак, не прохиндей и не сплетник. На каждом углу болтать о ставших ему известными мерзостях не станет, и значит, секрет на какое-то время останется секретом. Однако близким ему людям, включая, разумеется, короля, расскажет, поскольку сочтет это правильным поступком. А в результате – лавина сошла с гор, и Август оказался на ее пути: провал на выборах в Коллегиуме, королевская опала и дополнительный повод старому графу не искать никакого компромисса. Вернее, не соглашаться на него, если предложит кто-нибудь другой.

«Элегантно… но…»

Август вдруг понял, что чего-то в этой истории не хватает. Какого-то завершающего штриха. И ведь он думал уже об этом, имея в виду Агату и ее таинственный визит в палаццо Феарина…

– А к Агате ты зачем ходил? – спросил он вслух, чтобы расставить все точки над «i».

– Исключительно из вредности, – довольно улыбнулся Ренар. – Хотелось, знаешь ли, братец, раздавить тебя окончательно. Что скажешь: у меня получилось?

Скрывать правду не имело смысла, не говоря уже о том, что унизительно. Все равно ведь узнает или, возможно, знает уже. В любом случае пыжиться показалось неразумным.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Делать, действовать, творить (лат.). – Здесь и далее примеч. авт.

2

В данном случае под инсталляцией понимается вещественная форма заклинания, например, нарисованная мелом или углем пентаграмма, расставленные в определенном порядке белые и черные свечи.

3

Аркан – в данном случае имеется в виду вербальная или визуальная формула заклятия.

4

Сага (от лат. saga) – прорицательница, колдунья.

5

Кохелайн – порода крупных и сильных арабских жеребцов, специально предназначенных ходить под седлом.

зажечь свечу (лат.).

Купить: https://tellnovel.com/ru/mah_maks/dama-pik

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить